

Раздел V
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Part V. MODERN PROBLEMS OF THE LANGUAGE
DEVELOPMENT

УДК 159.95 + 81 + 378.1

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОЦЕНКА
ВОЗНИКАЮЩЕЙ НА ЕЕ ОСНОВЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Б. В. Сапрыгин (Новосибирск)

На формирование знания огромное влияние оказывают психолингвистические установки, определяющие мышление создателей этого знания. Сам тип знания, который возникает в той или иной культуре, во многом зависит от присущих ее носителям психолингвистических особенностей. Разговор о том, как язык влияет на возникающее на его основе знание, включая науку и образование, является основной темой данной статьи. Делается вывод о том, что важно отдавать себе отчет, что реально подразумевают те или иные понятия и суждения в том языке, на котором они были первоначально созданы.

Ключевые слова: психолингвистическая установка, знание, мышление, язык, вербализация, невербальный, аналитическая философия.

THE PSYCHOLINGUISTIC FEATURES
OF THE COGNITIVE ACTIVITY AND THE ASSESSMENT
OF THE SCIENCE AND EDUCATION BASED ON IT

B. V. Saprygin (Novosibirsk)

The formation of knowledge is greatly influenced by the psycholinguistic dispositions, determining its authors' thinking. The very type of knowledge arising in a culture depends, to a large extent, on the psycholinguistic peculiarities characteristic of the bearers of the knowledge. How the language influences the knowledge, including science and education arising on its basis, is the main

---

© Сапрыгин Б. В., 2012

Сапрыгин Борис Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: saprygin2007@yandex.ru

subject of the article. A conclusion is drawn that it is important to be aware of what such and such terms or propositions really mean in the language in which they have been originally formulated.

Key words: *psycholinguistic disposition, knowledge, thinking, language, verbalization, nonverbal, analytic philosophy.*

На формирование знания огромное влияние оказывают те познавательные установки, которые определяют мышление создателей этого знания. К их числу относятся и установки психолингвистические, под которыми следует понимать сам язык с присущей ему грамматикой и те невербальные элементы сознания, которые сопутствуют употреблению языка. То, как человек мыслит, то, как он строит свое рассуждение, к каким выводам он приходит, во многом определяется именно тем, на каком языке он говорит и какие невербальные установки сознания сопутствуют говорению на этот язык. «Является самоочевидным, что язык и паттерны мышления взаимосвязаны» [1, с. 5]. Сам тип знания, возникающий и развивающийся в той или иной культуре, во многом зависит от присущих ее носителям психолингвистических особенностей. Это относится как к науке, так и к тому типу образования, который вырастает на этой почве.

Под влиянием специфических психолингвистических особенностей мышления той или иной нации возникают целые дисциплины, которые не могли бы возникнуть на другой языковой почве. Это, прежде всего, верно в отношении гуманитарных наук. Почему, например, постмодернизм – это течение преимущественно французское? Почему герменевтика возникла и развивается в основном в Германии? Почему именно в англоязычных странах возникла и получила свое развитие аналитическая философия? «Трудно удержаться от спекулятивного предположения, что обнаруженные различия... [между языками. – Б. С.] могут объяснять фундаментальные различия англоязычной (аналитической) и немецкоязычной (более целостной и телеологичной) философских традиций, а также тот неоспоримый факт, что атомистические подходы в психологии представлены, главным образом, работами английских и американских коллег, тогда как гештальт-психология и разнообразные подходы к проблематике деятельности и действия первоначально возникли именно в сфере немецкого языка. Таким образом, даже “слабое взаимодействие” языка и мышления может привести к чрезвычайно заметным последствиям!» [2, с. 193].

Разговор о том, как язык влияет на возникающее на его основе знание, будет основной темой данной статьи. А поскольку одной из ведущих культур нашего времени, во многом определяющей облик современной науки, является культура англоязычная, нам бы хотелось рассмотреть этот вопрос именно в связи с ней.

Несомненно, англоязычным людям, и прежде всего представителям американской культуры, присуща своя особая психолингвистическая установка, которая задается социокультурным контекстом, в котором они живут и воспитываются. К числу характерных черт этой установки можно отнести общую ориентированность на язык и большую, чем в других культурах, склонность к вербализации образцов своего поведения, выражающуюся в создании большего числа языковых описаний. Внутренняя

жизнь людей, принадлежащих к этой культуре, протекает словно исключительно в языковом дискурсе. Сам «центр тяжести» мышления переносится на языковые средства выражения мысли. Язык в этом случае становится синонимом мышления. Вне языка мышления нет. Создается даже впечатление, что если что-то не представлено в языке, то оно и не существует.

Такое перенесение фокуса внимания на языковые описания является, несомненно, приобретенной культурной особенностью. Сама манера обучения и воспитания в этой культуре заключается в том, что людей «натаскивают» на произнесение определенных слов в определенных обстоятельствах. Отличительной чертой такой системы обучения является то, что людям предлагается ограниченный объем информации, оформленной в виде четких единообразных, клишированных фраз, которые путем многократного повторения требуется заучивать практически наизусть и правильно применять в подходящих ситуациях.

Часто говорят о рациональности американского образа мышления. Кажущаяся большей рациональностью англоязычной культуры, по-видимому, объясняется именно большей вербализацией образцов поведения. Даже если сами по себе подобные вербальные прескрипции и могут оказаться довольно нелогичными, сам факт настойчивого следования им, попыток неукоснительного их исполнения влечет за собой появление согласованности и последовательности в поведении. Отсюда и ощущение большей рациональности, а зачастую и реальный успех такого поведения, поскольку оно не способствует поспешному отказу от намеченного плана действий в случае сиюминутной неудачи.

Отсюда понятно, как перенос «центра тяжести» мыслительной деятельности на язык, игнорирование невербальных компонентов сознания может послужить источником возникновения представлений об исключительно языковом характере мышления и сознания, якобы не содержащих в себе никаких лингвистических компонентов, и об исключительно языковом характере знания, не имеющего никакой иной связи с реальностью, кроме прагматистского оправдания, как это представлено, например, у Р. Рорти [3]. Отсюда возникает представление о том, что факты реальности не идентифицируются без использования языка. Онтологические проблемы такими англоязычными авторами начинают истолковываться как проблемы употребления языка. Из всего этого, в конечном итоге, и вырастает крайний релятивизм, конвенционализм, прагматизм и антиментализм американской философии.

В последнее время многие в нашей стране увлекаются англоязычной аналитической философией, пытаясь порой представить ее в качестве единственно верного типа философии. Этому направлению мысли присущи характерные внешние черты, очень специфический, легко узнаваемый способ ведения рассуждения. При этом создается впечатление, что часто ее поклонники не вполне отдают себе отчет в том, что способ мышления, присущий аналитическим авторам, вовсе не является чем-то характерным только для философии данного типа. Если познакомиться с американской культурой ближе, можно увидеть, что тип мышления, характерный для аналитической философии, присущ этой культуре в целом. Тот, характер-

ный для аналитической философии, «логический» способ ведения рассуждения, выглядящий несколько механистическим, схоластическим, некая аура сциентизма – все это вовсе не особенности именно этой философии. Это особенности грамматической структуры английского языка и стиля англоязычного мышления, проявляющиеся даже в популярной религиозной литературе. Обрывистые, механистичные, очень лаконичные и какие-то «компьютерообразные» фразы английского языка с его аналитического типа грамматикой и стилистикой, позволяющими создавать очень длинные предложения с механически согласованными между собой фразами, и создают впечатление логичности и научности рассуждения.

В переводе на русский язык тексты англоязычной философии становятся до невозможности сложными, громоздкими, непонятными, неоправданно наукообразными. Но большинство из них на языке оригинала, в действительности, звучат очень легко и вообще не вызывают больших проблем с пониманием у самих англоязычных читателей. Более того, любой англоязычный текст, даже достаточно простой, при не очень хорошем переводе на русский язык будет звучать так, словно он написан в научном стиле.

Некритическое увлечение подобного рода иностранными научными и учебными материалами, навязывание их учащимся, попытки имитировать их в собственных научных трудах, сопровождающиеся некритическим отношением к их стилю, к литературным приемам, отсутствие понимания того, что речь во многом идет именно о принципиально иной структуре английского языка, может негативно сказаться на конечных результатах. В результате внешняя форма начинает преобладать над содержанием. Наукообразность изложения, сочетающаяся с частым употреблением неправильно переведенных английских слов и выражений, принимается за нечто достойное похвалы. Следствием всего этого становится искажение естественной грамматики и стилистики русского языка.

В качестве примера возьмем ситуацию с заимствованным из английского языка словом «референция». Его английским аналогом является существительное *reference*, а соответствующий глагол звучит как *refer*. При этом в самом английском языке эти два термина являются очень простыми, часто употребляемыми словами естественного языка, однако соответствующих простых аналогов в русском языке они не имеют. Поэтому в тех случаях, когда переводчик оказывается не на высоте, возникают странные фразы типа следующих: «это слово указывает на стол», «он указывал на него как на выдающегося ученого». При этом следует согласиться, что, поскольку соответствий в русском языке у этих слов нет, в научных текстах их вполне можно переводить словом «референция». Важно только при этом осознавать, как эти слова употребляются в самом английском языке, какое значение они на самом деле имеют.

Тема референции – одна из наиболее сложных в современной философии [4, с. 14–69]. Однако сама проблематика референции, как можно предположить, вообще могла возникнуть только на базе английского языка и никогда бы не возникла в русском, где такого понятия нет. Неоднозначность и сомнительность рассуждений о референции на русском языке, их усложненность, непонятность самого смысла этой темы проистекает, во

многим, именно из-за неестественности этого понятия в русском языке, его инородности. Если правильно перевести на русский язык тексты, раскрывающие проблему референции, то многие проблемы в русском переводе попросту исчезнут. И действительно, звучать это будет примерно так: обозначает ли слово «стол» тот предмет, который я называю «стол»? Странный вопрос! А если я неправильно понимаю, что такое стол, но применяю это слово к данному предмету, будет ли и в этом случае это слово обозначать данный предмет? Основные усилия при усвоении знания такого типа уходят на то, чтобы понять смысл подобных высказываний. При правильном переводе на русский язык отпадает половина философской глубины.

Будучи вырванными из психолингвистического и социального контекста, понятия иных культур, попадая на русскоязычную почву, часто утрачивают ту свою составляющую, которую вслед за М. Полани можно было бы назвать неявным знанием, и наполняются иным содержанием, которое не было свойственно им в родной культуре. Неправильно было бы призывать к отказу от иноязычных заимствований, к самозамыканию в русскоязычной культуре. Тем не менее, следует отдавать себе отчет в том, что реально подразумевают те или иные понятия, те или иные суждения в том языке, на котором они были первоначально созданы. Конечно же, нужно учиться у других культур, нужно брать у них все самое лучшее. Возможно, следует даже позаимствовать у них те или иные приемы мышления. Но этот процесс не должен быть слепым.

Знание психолингвистических особенностей мышления, породившего то или иное знание, позволило бы делать осознанный выбор того типа знания и образования, которые мы хотели бы иметь у себя. При этом важно осознавать, что заимствование пустой оболочки иноязычного знания, наполнение ее психолингвистическим содержанием, характерным для нашей, то есть чуждой для самого этого знания, культуры, придание словам иностранного языка невербального содержания, неприсущего им в их родной среде, – все это вряд ли сможет обеспечить успех применения этого знания на русскоязычной почве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Wierzbicka A.** Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – N.-Y. : Oxford University Press, 1997. – 317 p.
2. **Величковский Б. М.** Когнитивная наука: основы психологии познания : в 2 т. – М. : Смысл : Академия, 2006. – Т. 2. – 432 с.
3. **Рорти Р.** Философия и зеркало природы. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.
4. **Патнем Х.** Разум, истина и история / пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. – М. : Праксис, 2002. – 296 с.

Принята редакцией: 17.08.2012